

Исправление

Маркус Агирре

Долгие два месяца весны и один месяц лета закончились выздоровлением отца. Из маленького домика в саванне, где Маркус проводил часы пока был человеком, отца, который сильно пострадал, отвезли в больницу Найроби. Так как отец не был в сознании, а за лечение нужно было срочно платить, Маркусу пришлось отдать все деньги, которые были у него на карте, и самому ухаживать за отцом. Потому что этих денег не хватило на содержание в отдельной палате с постоянным присутствием медперсонала. В какой-то момент отцу стало хуже, а денег на лечение не было. Нет, его не стали выгонять на улицу, все-таки везде к иностранцам несколько иное отношение, чем к своим гражданам.

А потом отец очнулся. И между ними состоялся очень непростой разговор. В этот раз Маркус снова ничего не утаил от отца и готов был понести наказание. Он боялся, но понимал, что это единственный выход. Он должен был ответить по всей строгости кенийского закона...

Но отец неожиданно предложил ему сделку. Дело могли переквалифицировать в убийство по неосторожности, а так как Маркус являлся сыном человека со статусом неприкосновенности, его депортировали из страны. Конечный пункт был неважен, и Маркус отправился в Китай. Отец предложил ему исправиться, подумать над смыслом жизни и измениться. Это было лучше, чем сидеть в тюрьме.

Но это противоречило его желанию искупить свою вину за произошедшее, встретившись с электрическим стулом.

В результате, они благополучно добрались до Пекина, их встретила Джулия, и Маркус, понимая, что об отце есть кому позаботиться, поехал в монастырь. Хотя он не был уверен, что монастырь его примет.

Но нет. Даже ворота были. И комната осталась за ним. Отдохнув с тяжелой дороги, молодой человек решил побыть в одиночестве. И направился в храмовую библиотеку, чтобы побыть среди истории. Главное, что здесь было тихо и безлюдно....

Джун Мотидзуки

В последнее время жизнь Джун снова радовала приятной стабильностью. Любимая девушка и лучший друг, разобравшийся со своими проблемами со здоровьем, были рядом, работа по хозяйству и тренировки особенно не утомляли, а, скорее наоборот, доставляли удовольствие, да и духи вели себя мирно, не устраивая неприятных сюрпризов. Так что жаловаться ему было просто не на что, если бы даже появилось несвойственное юноше желание немного поныть или пострадать, дабы добавить острых ощущений.

Сегодня Джун, устыдившись, что все вокруг заняты делом, пока он откровенно бездельничает, решил немного потренироваться в искусстве офуда для чего

отправился в библиотеку. Дядина шутка по поводу оммёджи, с которой все началось, привела к искреннему интересу и даже некоторым успехам, которые требовалось закреплять и постепенно увеличивать. И для этого Джун, оказавшись в библиотеке, пролистал несколько книг, пытаясь найти заклинание, вызывающее относящиеся какому-нибудь конкретному человеку видения, с которым он не справился на мастер-классе в Цитадели птиц и которое успел подзабыть. И, после недолгих поисков, ему удалось обнаружить знакомые иероглифы 五眼, недовольно хлопая себя по лбу, настолько все было очевидно.

Долго сетовать на свою бестолковость юноша не стал, предпочтя вытащить одну из заготовок для офуда, которые последнее время начал носить с собой чуть ли не постоянно, и начать старательно выписывать нужные иероглифы, надеясь, что в этот раз он сможет увидеть чуть больше, чем бесформенную тень. Хотя, поскольку во время работы Джун думал о вечно чем-то недовольном отце, надеясь вызвать видение о нем, бесформенная тень могла стать не таким уж и плохим вариантом.

Три заготовки юноша выкинул, признав их негодными, а вот четвертая вышла бы вполне приличной, если бы его рука не дрогнула в самый последний момент, поскольку в библиотеке появился его хороший знакомый, чей внешний вид заметно изменился с их последней встречи.

- Вот это да, Маркус! - не удержался Джун от восклицания. - Ты что, действительно с кем-то подрался? - Возможно его поведение было не самым тактичным, но, вспоминая рассказ двоюродного брата Яреци о его планах, юноша просто не смог сделать вид, что не заметил следов на лице своего неоднократного соседа по охотничьему домику.

Маркус Агирре

В библиотеке он оказался не один. Услышав знакомый голос Джуна, он вздрогнул и плечом задел одир стеллаж, который пошатнулся. Поправив книги на одной из полок, он посмотрел на японца и вежливо склонил голову. Потом немного подумал и сел напротив, стараясь ему не мешать.

Он не знал, что ответить знакомому на такой откровенный вопрос, но, вероятно, Джун ожидал от него не только кивок, а каких-то объяснений. Он не знал, что ответить.

- Да, подрался, - ответил он.

Потом он снова замолчал и опустил голову. Он все думал о желании отца отмазать его от тюрьмы, и понимал, что не имеет права с кем-то спорить. Потому что он убийца. Он останется убийцей. И пусть он всего лишь ударил того парня и убежал, но он действительно оставил его в опасности. Он поступил как трус.

- Лев был сильным, и он напал на отца. Я защитил отца и убил льва, - тусклым голосом сказал он. - Битва была опасная.

Джун Мотидзуки

Маркус выглядел как хулиган, которого поймали с камешками в руке у разбитого

окна, поэтому Джун решил на него не давить, позволяя для начала сказать то, что тот посчитает нужным и лишь только после этого вступить в беседу.

- Убил льва?! - все благие намерения тут же рассыпались, как только Джун услышал абсолютно дикую историю, в которую поверить было чуть ли не труднее, чем, в свое время, в существование магии. - И ты говоришь об этом так спокойно, словно погулять сходил? Неплохо ты так со своей звериной сущностью подоговаривался.

Джун помнил по каким причинам Маркус отправился в Африку, но, похоже, кроме общения с гиенами он нашел еще немало приключений и, судя по его выражению лица, не совсем на ту часть тела, что предполагал изначально.

- Ты бы до лазарета дошел. Или считаешь, что шрамы украшают мужчину? - Не то, чтобы Маркус выглядел так уж плохо, просто на его симпатичном, лишенном брутальности лице, следы драки со зверем выглядели как-то диковато. - Кстати, отец не пострадал?

Джун знал о непростых отношениях двоюродного брата Яреци и его родителя, за которыми крылась настоящая любовь, поэтому подумал, что настроение парня вполне может быть связано с последствиями встречи со львом, закончившейся не только попорченным лицом.

Маркус Агирре

- Да, убил, - просто сказал молодой человек, почувствовав вдруг острое желание уйти отсюда. Уехать в Испанию и отправиться в тюрьму. А лучше в Кению, там условия будут похуже. Ему и без того было отвратительно от всей этой истории, но все закончилось именно так, как закончилось. И дело тут было не в отце, а скорее в нем самом.

- Отец? Сейчас уже лучше. По крайней мере, он жив, - ответил он, не зная, о чем еще разговаривать. Ему не хотелось ничего говорить, ведь он прекрасно знает, что должен был сделать. И от всей этой истории ему все равно не по себе. Потому что из-за этого его будут все осуждать.

- Знаешь, я... там совершил нечто плохое, но вот этот монастырь почему-то принял меня. Хотя мне казалось, что убийц он не принимает, и я бы ничего не увидел. Но... мне отец предложил сделку, и я... согласился. А вот сейчас думаю, почему. Наверное, мне стоит вернуться в Кению и сдаться властям. Я не хочу, чтобы на меня здесь косо смотрели и называли убийцей. Но ведь даже если я сяду, это клеймо никогда не снимется с меня.

Маркус вздохнул и посмотрел на друга, считая, что тот сейчас уйдет. Хотя ему, наверное, самому надо перестать разговаривать с людьми...

Джун Мотидзуки

После признания Маркуса о том, что тот умудрился убить льва, Джун пообещал себе больше ничему не удивляться, но последующие откровения оказались еще неожиданнее и заставили его на время погрузиться в задумчивое молчание. Пусть его приятель ничего толком и не объяснил, становилось понятно - лев был не

единственным, кто по каким-то причинам стал, скорее всего, невольной жертвой Маркуса. На хладнокровного убийцу тот уж никак не тянул, поэтому Джун сразу подумал о каком-нибудь несчастном случае, приведшем к столь плачевным обстоятельствам. Но как бы там ни было, сам он не имел какого-либо права судить другого человека, особенно не зная всех подробностей произошедшего.

- Если ты без проблем нашел монастырь, это значит только одно - никакой ты не монстр, как ты любишь говорить, и тебе дается очередной шанс изменить свою жизнь. Да и в монастыре ты далеко не единственный, чьи руки обгарены чужой кровью.

Если подходить строго, убийцей можно было назвать и его дядю, и, тем более, того молодого мужчину, который перестрелял чуть ли не половину людей Асаки, но Джун никогда не решился бы это сделать. Если бы не их помощь, он бы, скорее всего, сейчас не разговаривал с Маркусом, не смог бы спасти Ичиро, никогда бы поцеловал Доминику у озера и не узнал бы, чем отличается любовь от обычной влюбленности...

- А что за сделка? - решил уточнить Джун, не из праздного любопытства, а из желания как-то поддержать Маркусу. Двоюродный брат Яреци тоже немало ему помог в свое время, так что он не видел причин не отвечать ему добром на добро, какое бы зло он там не совершил.

Маркус Агирре

- Мы поссорились с одним отморожком. Познакомились в клубе. А потом он сказал, что хочет посмотреть моих гиен. Он меня избил, и я его ударил. В голову. Удар получился серьезный. Но экспертиза показала, что он чудом выжил после удара, хотя должен был умереть сразу. А я... сбежал. А потом его скушали. А потом нашли работники заповедника и приняли за меня. И отец... он приехал на опознание, а потом отправился меня искать.

Со временем Маркус понимал, что виноват даже не в том, что ударил того парня и оставил его в опасности, а в том, что не должен был вообще идти в этот клуб. Ему надо было просто сесть в самолет и поехать в Китай. Тогда бы отец не пострадал. Но Маркус, как правильно тогда заметил Тору, спотыкался слишком часто. И нужно было перестать спотыкаться. Но... наверное, действительно только тюрьма поможет ему не совершать неправильные поступки. Он готов был понести наказание. В тот момент, когда лапа льва оцарапала грудь отца, он понял, что убьет его и во всем сознается.

Хотя наверное это все было глупо. Маркус не знал, должен ли он был соглашаться с отцом.

- Я понимаю, что должен понести наказание, я готов сесть в тюрьму. По их законам мне грозит вышка, смертная казнь. Она не применяется, но к какому-то иностранцу ее применили очень давно. А отец... он предложил мне по-другому искупить свою вину. Я... должен стать пушистым и белым, и... не знаю... Ты тоже осуждаешь меня? Отец позволил мне не придти на свидание с электрическим стулом, но не знаю, зачем...

Джун Мотидзуки

Джун не ожидал, что Маркус сразу вывалит на него все подробности произошедшего, но, наверное, в своем стремлении делиться своими мыслями и чувствами он походил на Яреци, не зря они были родственниками. И диковая история снова заставила его замолчать, чтобы переварить услышанное. Он и сам немало в свое время походил по клубам, но не мог припомнить ни одного серьезного конфликта, даже из-за девушек, поскольку все разногласия улаживал очень быстро и всегда мирным путем. А так, чтобы дело доходило до драки, да еще с таким исходом... Джун даже не знал как на такое признание и реагировать.

- Как-то круто - смертная казнь, - Джун с сомнением покачал головой. - Скорее, тебе грозила тюрьма, от которой отец избавил тебя по вполне понятным причинам. Ты же его сын, и он тебя любит, что бы там между вами не происходило.

На минуту он задумался, как бы отреагировал его отец, случись с ним что-то подобное. Наверное, начал бы кричать, что отказывается от такого сына, а потом, якобы из-за просьб жены, помог выпутаться из неприятностей. В этом и был весь Мотидзуки Шотаро со своим неумением признаваться в любви к близким людям.

- Ты знаешь, - сказал Джун после очередного недолгого молчания, - наверное, если убрать лишние сантименты, твой отец прав. В тюрьме ты ничего толком не сможешь сделать, а здесь у тебя огромный простор для добрых дел. Не найдешь, кому помочь в монастыре, всегда можешь отправиться в деревню. Там у людей тяжелая жизнь и чужая помощь им не помешает. Если что, я могу тебя с другом познакомить, он лучше всех знает, как в кратчайшие сроки принести максимум пользы.

Последние несколько дней Джун толком и не видел Ичиро, который только и занимался тем, что закончив свою работу наглым образом отнимал чужую, стараясь таким образом отблагодарить все и всех за свое хорошее физическое состояние. И, что самое странное, похоже, получал от этого какое-то извращенное удовольствие, немного пугая Джуну своим энтузиазмом.

Маркус Агирре

- Но... это было единственное мое нормальное желание. Я, узнав, что тот парень погиб, хотел вернуться в Найроби. Просто... у Нариты в клане были волнения, на территорию зашли враги. А потом отец появился. И твой дядя... и этот лев. Знаешь, если бы он был не таким слабым, то все закончилось иначе...

Если бы это был не тощий людоед, а нормальный упитанный самец, то Маркус бы сейчас не разговаривал с Джуном. И, вероятно, отца бы тоже не было. И мужа сестры. Но львы просто так не нападают. Они трусливы и ленивы.

- Я надеюсь, что смогу как-то искупить вину, просто... меня воспитывали, как, наверное, и всех, что убийца должен сидеть в тюрьме. И... я... постараюсь принести кому-то пользу.

Маркус впервые за некоторое время улыбнулся и благодарно кивнул Джуно. По крайней мере, он ожидал, что его если не сразу закидают камнями, то просто скажут, что не хотят иметь ничего общего с ним. Но Джун снова протянул ему руку помощи,

хотя ор этого и не заслуживал.

- Спасибо тебе. Я... постараюсь... кстати, а что ты делал? Это офуда или каллиграфия? - решил Маркус сменить тему.

Джун Мотидзуки

- Так там еще и дядя мой успел засветиться? Мда... Он наверное был очень зол на все и всех. - Про какую-то Нариту и клан Джун ничего не понял, поэтому уцепился за хорошо знакомого ему "персонажа", которого в Найроби, наверняка, отправила Яреци. И, естественно, тот не получил ни малейшего удовольствия от приключения со львом, в котором, судя по всему, участвовал.

- Ты не подумай, что я отнесся к твоему поступку, как к чему-то незначительному. Если честно, я даже не знаю, как на него реагировать. Но ты всегда казался мне неплохим, пусть и изрядно запутавшимся парнем, и я считаю должным дать тебе возможность доказать, что мое мнение не было ошибочным.

Наверное, каждый имел право искупить свою вину, и варианты могли быть самыми разными. Сколько бы Джун не смотрел на сидящего перед ним Маркуса, он не мог увидеть в нем убийцу, а своим ощущениям юноша привык доверять. Пока они ни разу его не подводили, так что он не собирался переставать общаться с двоюродным братом Яреци из-за того, что тот совершил.

- Не рассказывай больше никому эту историю, если только не приспичит излить душу перед конкретным человеком. - Джун сомневался, что другие люди отнесутся к рассказу Маркуса так же спокойно, как он сам, поэтому не рекомендовал бы тому наживать новые проблемы на пустом месте.

- Это офуда, - молодой человек не стал цепляться за предыдущую тему. - Хотя, в каком-то смысле и каллиграфия. Я собирался повторить одно заклинание, которое у меня когда-то не получилось по причине своей сложности и моих недостаточных навыков, но пока только запорол четыре заготовки.

Джун печально посмотрел на четыре исписанные иероглифами полоски, которые он забраковал, видя явные огрехи. Искусство офуда оказывалось совсем не таким простым, как виделось со стороны и требовало полной сосредоточенности, поскольку любая ошибка могла привести к плачевному результату.

Маркус Агирре

- Да. Там был твой дядя. Он... помог моему отцу, когда тот был на опознании, - Маркус передернулся, когда вспомнил, что отец из-за неправильной информации поехал в эту страну. И, наверное, если бы не присутствие Мотидзуки-сана, ему бы стало еще больнее.

Конечно, Маркус не собирался рассказывать всем подряд о том, что он убил человека, просто ему казалось, что Джун не будет от него убегать с криком "убийца", и, как оказалось, казалось ему это не зря. Джун просто посоветовал ему быть осторожным, и Маркус кивнул. На этом тяжёлая тема с убийством и гиенами, а также присутствием третьих и четвёртых лиц можно было считать закрытой. Хотя ему

показалось, что Джун не понял и половины рассказа про Нариту. И Маркус решил это дополнить. Так как ему казалось, что это достаточно интересно. Может быть интересно.

- Нарита - это альфа-самка стаи, где я жил. Я ей просто придумал имя. Там же матриархат, но ко мне относились с почтением. Люди - серьёзный враг гиены. На территорию нашего клана зашли враги из другого. Они охотились на антилоп, потому что из-за засухи начался пожар у них, и животные пошли ближе к тропикам. Мне разрешили участвовать в битве. Меня за переднюю ногу укусил враг. Собственно, через несколько дней появились отец с Мотидзуки-саном, а за ними этот лев.

Маркус прислонился к повреждённой руке и поморщился. Как сказал врач в Найроби, который накладывал швы, парню очень повезло, что не задето ничего важного, и рука будет работать. Хорошо, что это была левая рука.

- А что за заклинание? Я в этом ничего не знаю, но, может быть, попробую тебе помочь? - Хотя это было сомнительно, ведь он никогда не занимался каллиграфией, да и не думал, что ему важно данное искусство. Но он всё равно уже спросил.

Джун Мотидзуки

Хотя он больше и не задавал вопросов по поводу жизни Маркуса в Африке, тот решил пояснить отдельные моменты, начав с Мотидзуки Тору и плавно перейдя к гиенам, к которым, как оказалось, он относился чуть ли не как к людям. Правда в этом Джун не видел ничего удивительного, поскольку, как он заметил, людям было свойственно очеловечивать все и всех, включая диких животных. А уж Маркус, который охотился вместе со стаей и вместе с ней защищал территорию, просто не мог устоять перед соблазном воспринимать гиен совсем не так, как положено человеку.

- Удивительно, - только и смог сказать на этот рассказ Джун, а потом, уцепившись за момент с укушенной лапой, добавил, - но ты бы все-таки заглянул в лазарет. Раны могут причинять неудобства даже после того, как заживут, так что лучше разобраться с ними сразу, чтобы потом не мучиться в будущем.

Джун раньше не замечал, чтобы Маркус проявлял интерес к офуда, но ему несложно было ответить на вопрос, тем более, что он и сам не хотел крутиться вокруг непростой для них обеих темы.

- Это заклинание позволяет вызвать видение о каком-то конкретном человеке или предмете, если бросить лист с офуда в огонь. Но оно действительно сложное, и я не уверен, что в состоянии с ним справиться. и, боюсь, здесь ты ничем мне помочь не можешь.

Джун снова вздохнул и потянулся за пятой полоской. Заготовки для офуда заканчивались и ему стоило начать делать новые, если он планировал торчать в библиотеке до победного конца. Хотя со своими планами на будущее молодой человек так и не определился, имея в запасе немало интересных дел, более приятных, чем возня с иероглифическими заклинаниями.

Маркус Агирре

После того, как он рассказал Джуну о жизни в клане, Маркус решил больше ни с кем ничем не делиться. Потому что вряд ли это кому-то интересно, да и его проблемы не должны никого волновать. Поэтому он все-таки переключился на это непонятное офуда, о котором совсем ничего не знал.

- Да, ты прав. Я, наверное, не смогу тебе ничем помочь, - вздохнул он. - А что касается лазарета, я схожу туда в ближайшее время. Раз ваши целители умеют избавлять от рубцов, то воспользуюсь.

Он хотел было подняться и покинуть библиотеку, чтобы оставить Джуну одного за своими мыслями, но потом подумал, что это вряд ли будет правильно. Отец сказал, что ему надо измениться, а как это сделать? Какие поступки совершать, чтобы хоть как-то, совсем немного искупить свою вину? Что делать? Везде ходить и предлагать свою помощь? А если ему предложат сделать что-то, чего он сделать не в состоянии? Его снова будут считать человеком, который никогда не держит своего слова. И он сам себе будет отвратителен.

- Может, тебе попросить помощи у кого-то? Насколько я знаю, сестра знает каллиграфию, может она тебе поможет? - предложил он, заранее будучи уверенным, что это сомнительная помощь.

Джун Мотидзуки

Готовность Маркуса сходить в лазарет Джуну обрадовала. Он боялся, что тот начнет упрямыться или наличием на лице и руке ран попробует как-то наказать себя за преступление, но, к счастью, Маркус не стал перебарщивать с направленной на себя агрессией, что должно было облегчить жизнь и ему, и окружающим.

- Вот и правильно, - выразил Джун свое отношение. - И вообще, ходить в лазарет - полезное занятие. Можно чему-нибудь научиться и потом творить добрые дела, исцеляя всех направо и налево.

Как бы иронично сейчас не звучали его слова Джун очень уважал врачей и лично мастера Грей, которой был готов чуть ли не руки лобызать, хоть и сомневался в способности Цириллы оценить подобное проявление благодарности.

- Ну, в искусстве офуда у нас на должном уровне разбирается вроде как только мастер Ши Ньяо. По крайней мере о других я не слышал. А ему и без меня забот хватает.

Предложение поучиться каллиграфии было, конечно, разумным, но пока Джуну хватало уже имеющихся базовых знаний, чтобы как-то справляться с необходимыми иероглифами.

- Яреци меня уже как-то учила и, возможно, когда она объявится в монастыре, попрошу у нее еще пару уроков. Но так ты не переживай, я во многом самоучка, так что как-нибудь разберусь.

Если изучение офуда без наставника действительно особенно не напрягало, то вот

в том, что касалось общения с духами, ряда проблем можно было избежать вовремя попросив о помощи. Но пенять на себя прошлого было глупо, поэтому Джун старался не вспоминать непростой период в жизни и проявлять предельную аккуратность в работе с тонкими материями.

Маркус Агирре

Маркус два раза был на общих лекциях и один раз просил занятие по врачеванию у Тео Чуна. Правда, оказалось, что он так ничему и не научился. Хотя тогда он просто наблюдал за отцом и протирал его лицо влажным полотенцем. А в больнице пришлось за ним ухаживать. На этом все его способности заканчивались, и он не знал, нужно ли продолжать это. Хотя отец, придя в себя, но еще не восстановившись полностью, сказал, что из него может получиться медбрат. Но Маркус не был уверен, что ему это нужно. Хотя помощником врачевателя здесь стать он может. И изучать животные компоненты, из которых можно делать лекарства. Как-то он уже пытался это сделать.

- Еще бы понять, что делать, чтобы это приносило реальную пользу, - проговорил молодой человек после долгого молчания. А то это могут посчитать его навязчивостью, а навязчивых людей не любят.

- Если кроме мастера Ньяо нет разбирающихся, то может ты просто попросишь, чтобы он тебе чем-нибудь помог? Хуже точно не будет, - пожал Маркус плечами и посмотрел в окно. - Ладно, спасибо тебе за разговор. Я наверное пойду, чтобы дальше не мешать тебе.

И он, встав, протянул было руку Джуну, но потом просто поклонился и покинул библиотеку, взяв по пути книгу, в которой было написано что-то про животные компоненты.

Джун Мотидзуки

- Ну, в любом случае с чего-то надо начать. - Джун не сомневался, что при желании в монастыре можно было найти тысячу дел, которые на тебя были готовы скинуть заинтересованные лица. И даже если они не выражались в немедленном спасении вселенной от великого зла, вполне могли принести кому-нибудь реальную пользу.

- Да, пожалуй, мне стоит попросить мастера Ши Ньяо о помощи. Пара дельных советов, в каком направлении работать, мне не помешает. - Джун сомневался, что разговор с ним, перетекший в обсуждение офуда, сильно помог Маркусу, поэтому просто кивнул, когда мечущийся дух в молодом и немного потрепанном теле, решил его покинуть. Наверное, тому стоило немного побыть одному и разобраться со своими планами на будущее, так что Джун не стал ему мешать, останавливая или давая бесполезные советы, которые, все равно, не могли оказать реальную помощь.

- Если что, обращайся, - какое-то время молодой человек смотрел Маркусу вслед, а затем вернулся к своему занятию, старательно выписывая упрямые иероглифы и надеясь добиться хоть какого-то положительного результата. Для чего постарался избавиться от лишних мыслей и как можно четче представить отца, как всегда сидящего за своей работой и не обращающего внимания на все, что не имело какого-нибудь отношения к миру цифр.

